

А.Ю. Дубнов . *Мы не помним или не знаем, какие конкретные события и потрясения оказались толчком к отделению от общего советского целого советских республик.*

Хотел бы выразить благодарность Горбачев-Фонду за проведение нынешней дискуссии. Просто хочу напомнить, что, наверное, именно в результате распада Советского Союза и появилась возможность проводить такого рода открытые дискуссии, что само по себе важно. Можете ли вы себе представить, что у нас в стране, например, мог быть Андропов-Фонд либо Черненко-Фонд? Горбачев-Фонд есть, и за это уже спасибо. И мы понимаем, в результате чего это произошло.

Хочу сказать несколько слов еще и в связи с тем, что я в этом году по предложению другого Фонда – Фонда Гайдара осуществляю (скоро закончу) проект, посвященный 25-летию распада СССР, - беседы с бывшими лидерами союзных республик на момент распада Советского Союза, то есть 25-лет назад, - начиная со Снегура, Лучинского в Молдавии, Шушкевича в Белоруссии и Кравчука в Украине, Балтийских республик ,начиная с Ландсбергиса и т.д.

Только что я вернулся с Кавказа, где у меня были еще встречи с экс-премьерами трех республик Кавказа. И уже начинаются встречи с бывшими лидерами Центрально азиатских республик.

Важно взглянуть на историю - побудительные причины, проблемы и трагедию распада, не только «изнутри», из ядра страны, империи, но и «снаружи» - об этом говорил Сергей Уткин. Я согласен с еще одним тезисом Сергея, – об исторической протяженности оценок, рефлексии. Это важно отметить, потому что сейчас вступает в активную жизнь поколение, для которого распад СССР – страница из учебника по истории, пусть даже новейшей...

Дело в том, что мы находимся на некотором стыке разных типов рефлексии. Одно поколение, для которого распад Союза был абсолютно личной историей, а для многих просто личной трагедией. Я предложил бы

такую формулу: для многих это приблизительно то же самое, что вспоминать о потере своей первой семьи, которая распалась. Эту потерю ты переживаешь как личную трагедию. Хорошо или плохо ты жил в этой семье, но она была твоя. И ты живешь теперь во второй семье. Она тоже твоя. Столкновение этих семейных историй вызывает сильное переживание и формирует очень сложное, совсем не «объективное» восприятие...

Я отношусь к тому поколению, которое большую часть жизни прожило в той, «первой» стране. Для второго поколения это уже предмет аналитики, очень чувствительной, очень личностной. Тем не менее, это уже вторичное переживание, это уже история семьи родителей, если прибегать к этой образности.

Мы должны также помнить, как происходило восприятие распада, его трагедийности там, за пределами ядра распавшейся страны. Я должен напомнить, что для каждой из республик бывшего Союза отношение к России, к Москве, к союзному Центру было опосредовано большим количеством личных, национальных, этнических переживаний, потрясений.

Мы, например, скорее всего не помним, а некоторые из нас и не знают, какие события и потрясения оказались толчком к отделению от общего советского целого некоторых советских республик. К примеру, Молдавия зримо устремилась от Москвы после революции в Румынии в 1989 году, расстрела диктатора Чаушеску, что привело к слому границ между Молдавией и Румынией и начавшемуся братанию народа, почувствовавшего себя единым ... Тогда молдаване в массе своей осознали себя единым целым с румынами, а не в единой общности советского народа, как это звучало в брежневские времена, они почувствовали, что центром их притяжения является скорее Бухарест, нежели Москва

То же самое - в Азербайджане. Кто-то помнит, например, что в том же 1989-м году была сломана семисоткилометровая граница по реке Аракс между Южным Азербайджаном, который на территории современного Ирана, и нынешним Азербайджаном. И это единение азербайджанцев,

которые считали себя разделенным народом с известных событий начала прошлого века, оказалось гораздо важнее для их национальной самоидентификации, чем их принадлежность к тому же советскому народу, к Советскому Союзу....

Все это надо иметь в виду и учитывать, когда мы вспоминаем, что послужило первопричиной развала СССР. Мы не говорим про Карабах, который начался гораздо раньше, чем распался Советский Союз (Карабах - это 88-й год).

Аналогично - о прибалтийских делах. Моя беседа с Ландсбергисом началась с вопроса, который я задавал всем своим собеседникам в этом проекте Фонда Гайдара : когда-нибудь вообще им приходила в голову крамольная мысль, что Советский Союз может перестать существовать, и Литва(Молдавия, Белоруссия и так далее...) выйдет из его состава и станет независимым государством? Ландсбергис ухмыльнулся и сказал: Во-первых, когда Вы говорите о выходе из Советского Союза. Вы неправильно ставите вопрос. Мы не могли выйти из того, куда мы никогда не входили. Можем ли мы спорить с такой трактовкой литовцев? Нет, они имеют полное право так считать, учитывая недавнюю историю - пакт Молотова- Риббентропа, присоединение к СССР стран Балтии в 1940 году.

О влиянии факторов Москвы и внешних факторов на события распада СССР. Я, например, узнал совершенно удивительные вещи, которые подтверждались моими собеседниками независимо друг от друга. Например, что в феврале 91-го года госсекретарь Соединенных Штатов Бейкер пригласил к себе в Спасо-Хаус лидеров тогдашних Армении и Грузии. На этой встрече присутствовали также мэр Москвы Гавриил Попов, несколько советских академиков – экономистов. И тогда уже Бейкер сказал, что американцы готовы оказать существенную помощь именно этим республикам, в которые они верят. Так сказать, в аванс такого независимого экономического и политического существования. И он предлагал им

провести реформы различного рода, - реформы ЖКХ, высшего образования, юридические... Американцы готовы платить за проведение этих реформ.

Судьба этих реформ – это другая история. Но это было. Так же, как и было то, что Москва интенсивно и настойчиво инициировала создание интерфронтов во многих республиках, которые должны были противостоять действиям Народных фронтов, стремившихся к обретению государственного суверенитета. В итоге эти интерфронты, которые были расценены, как «рука Москвы», привели к обратному результату и усилили центробежные тенденции, оказывая разлагающее влияние на попытки союзного центра удержать республики в составе СССР.

В заключение хотел бы возразить юристу, господину Гагарину. Он говорил о поколении, к которому я принадлежу. Выступление его было очень эмоциональным, хотя и опиралось на юридические новеллы. Когда, например, слышишь фразу, что надо делать разницу между государственным устройством и политическим режимом, и в этом смысле мы должны уважать тех, кто сражался и погибал за эту страну и государство, то первое, что приходит в голову, это вопрос: как быть, например, с Северной Кореей, Корейской Народной Демократической Республикой, в которой замечательный режим, но которую побаивается весь мир. Аналогия совершенно очевидна.

Еще раз благодарю Горбачев-Фонд за поразительно интересную дискуссию.

В.П. Жарков. Кстати, о Северной Корее. Есть такой замечательный музей Чекпойнта Чарли в Берлине, где отдельный зал посвящен концлагерям Северной Кореи. И как я понимаю, эти концлагеря действуют до сих пор. Это к вопросу о юридической легитимности и легитимности чуть более чем юридическая. Мы не должны забывать, что кто-то сейчас в этих концлагерях находится.

О.Ю. Малинова. Иван Тимофеев очень хорошо показал, что означает трансформация распада мирового порядка с точки зрения неореализма, с точки зрения неолиберализма. А я хочу попросить его порассуждать на эту тему с позиции конструктивизма, тем более что Иван -специалист по исследованию идентичности.

Ведь на распад мирового порядка можно посмотреть и с точки зрения трансформации идентичности, трансформации норм и т.д.. То есть с точки зрения акторов, которые начинают воспринимать мир по-другому.

Мне кажется, что мы наблюдаем с этой точки зрения весьма интересную картину, когда, скажем так, дискурсы, которыми описывается мировой порядок с разных сторон, тяготеют к разным образам школ международных отношений.

Иначе говоря, в годы холодной войны и непосредственно после ее окончания, в 90ые годы, противостояние систем описывалось, главным образом, в терминах идеологии. И даже уважаемый Ричард Вайц, когда сейчас говорил о том, как это происходило, в какой-то степени воспроизводил этот нарратив: Советский Союз распался и начался демократический процесс.

Это логика холодной войны, которая , на мой взгляд, продолжает развиваться в рамках все той же дихотомии. Мне кажется, интересно наблюдать за тем, как она дальше трансформируется в нулевые годы и в посткрымский период 14-го года. Мне кажется, что здесь мы имеем дело с ситуацией, когда, фактически, у нас нет удобного, готового языка для того, чтобы осмысливать эти, последние по времени процессы. С одной стороны, используется язык реал-политик: у всех стран есть свой национальный интерес, Россия - по-прежнему держава с большим сырьевым и военным потенциалом, мы ведем себя как большие, потому что мы большие. С другой

стороны, мы видим, что возникает новый идеал политического или квази-идеал политического, в рамках которого существуют разные нормы этичности...

И.Н. Тимофеев. Отвечая на вопрос Ольги Юрьевны Малиновой, хотел бы подчеркнуть, что нет ничего практичнее, чем хорошая теория. С точки зрения конструктивизма я отталкивался бы от понятия травмы. Неплохо проработанное понятие в социальной психологии, в социальной теории. И выделил бы здесь как минимум три травмы. О двух говорят много, об одной говорят мало.

Первые две, о которых говорят много. Травма от распада Советского Союза. Здесь все более или менее понятно. Она, в общем, так или иначе на то, что происходит сейчас, влияет - хотя бы потому, что в общественном сознании та политика, которая ведется сейчас, имеет спрос. Общество принимает те политические шаги, которые делает политическая элита. Можно сколько угодно говорить о том, что Россия – автократия, путинский режим и т.д. и т.п. – но общество принимает нынешнюю политику.

Подчеркну опять: травма от распада Советского Союза – это важная независимая переменная, которая определяет характер этого общественного спроса на политику Путина.

Второй тип травмы – это то, что происходит в Восточной Европе. Потому что если мы посмотрим на дискурс Западной и Восточной Европы по тому же крымскому вопросу, то он принципиально разный. Когда я только еще начинал свою практическую работу, то наивно полагал, что политические элиты в восточноевропейских странах разделяют «западноевропейскую» точку зрения. Потом я понял, что ошибаюсь. Я увидел прагматичных людей, с которыми можно вполне четко решать какие-то вопросы, разговаривать. Но у них тоже есть свой политический рынок,

есть свой товар, который они предлагают, и есть травма, которую они переживают.

Наконец, третья травма, о которой почти не говорится, но которая очень важна. Это травма нашей политической элиты, которая возникла в постсоветский период. Я бы ее назвал так: травма от непризнания Западом в качестве кого бы то ни было – в качестве равноправного или значимого партнера. Если мы посмотрим на первый срок президентства Владимира Владимировича Путина, то это был прозападный курс. Я хорошо помню – я был студентом пятого курса в 2002 году, и меня за большие успехи пригласили на встречу Путина и Буша в университете. Там были и Райс, и Пауэлл, и Игорь Сергеевич Иванов, под руководством которого я сейчас работаю, и «вся президентская рать».

И Буш совершенно произвольно говорил: да, мы выходим из Договора по ПРО. Наше руководство говорит: конечно, это не очень хорошо для стратегической стабильности. Но если будет какая-то трансформация, мы готовы это купить. Вступление в НАТО стран Балтии в 2004 году – ну, в общем, поворчали и успокоились. Ирак, 2003 год – поворчали...

То есть было ожидание, что мы станем частью чего-то, что нас признают неким важным партнером. В общем, по большому счету, этого не произошло. Причем как-то так совпало, что этого не произошло на разных уровнях. На уровне ЕС, на уровне НАТО и т.д.

Это была травма для людей, которые думали, примерно, так: страна распалась, и мы что-то попытались новое построить... мы что-то хотим... а вы - нас не признаете. Мы это не проговариваем с нашими западными коллегами, хотя здесь я тоже никакого «заговора» среди них не вижу. Они это делают не всегда сознательно. Но это травма... Это потом отразилось в

Мюнхенской речи Путина, еще раньше - в речи 2006 года и т.д. Это сыграло свою роль и имеет значение до сих пор.

Важный социально-психологический момент: как превратить это практическую рекомендацию. Трудно себе представить, что мы будем убеждать наших коллег в Евросоюзе: повнимательнее, более чутко относитесь к вашим российским коллегам. Сейчас они посмеются над этим, естественно...

Иначе говоря, есть травма, а что с ней делать на политическом уровне, - непонятно. Мы можем только понимать, что она существует и в дальнейшем может вызывать все более негативную динамику.

С.В. Уткин. Одно дополнение к тому, о чем говорил сейчас Иван Тимофеев о нашей фрустрации по поводу произошедшего и, скажем так, тех уступок, которые так или иначе были сделаны, тех действий, на которые можно посмотреть как на уступки.

Это все содержалось в риторике российских политиков, аналитиков разного уровня, которых я обычно называю консерваторами. Можно найти цитаты, начиная с нынешнего президента и влиятельных фигур в политической элите России, где они, адресуя западным представителям, говорили о том, что те должны учитывать, как Россия понимает свои интересы. Что наши понимания не будут полностью совпадать, что и так уже было сделано много уступок, и мы не готовы идти на еще большее количество уступок. То есть все это проговаривалось.

Думаю, что здесь не отсутствие артикуляции сыграло свою роль, а то, что эта группа политиков, несмотря на все ее влияние внутри российской системы, воспринималась сначала как отзвук прошлого, рудимент. Казалось, что, да, конечно, не может сразу поменяться сознание у всех и есть какие-то странные, дремучие люди, которые, повернув голову назад, смотрят в прошлое, а не в будущее. И поэтому обращать внимание на их разговоры надо, примерно, в той степени, в которой обычно молодежь обращает внимание на какое-то старческое брюзжание.

Такая реакция, я думаю, сыграла определенную, может быть, негативную роль. Потому что по ряду вопросов, наверное, можно было более активно

искать компромисс, более активно выходить на взаимоприемлемое решение. Это не делалось в расчете на то, что недовольство, которое выражали российские консервативные группы, просто уйдет со временем. Не надо ничего с ним делать, надо просто подождать. И оказалось, что это не очень работает.

Ричард Вайц. Вы правы, когда это говорите. Я думаю так же, думаю о великих державах, о балансе интересов. В США президент Клинтон, Эл Гор, Обама, а сейчас Трамп часто говорят, выражают какие-то альтернативные вещи. У Эла Гора это был климат, экологические изменения. Для Трампа это терроризм. И много там всего черно-белого от холодной войны осталось.

В.Б. Кувалдин. Здесь прозвучала мысль: не распад, а разрушение Советского Союза было результатом острой политической борьбы.

В июне 91-го года, выступая на Ученом совете в ИМЭМО в скромном качестве консультанта в аппарате Президента СССР, я сказал, что в богатейшей стране мира идет ожесточенная борьба за власть, собственность, престиж, влияние и славу. И за прошедшие 25 лет я не изменил свою точку зрения: распад был результатом острого политического столкновения. Я нисколько не сомневаюсь, что от этого выиграли так называемые элиты начиная с президентов и премьеров и достаточно большого круга лиц вокруг них. Но от этого сильно проиграла очень значительная часть наших сограждан по Советскому Союзу.

Из этого не значит, что Союз можно было сохранить в прежнем виде. Горбачев и не пытался этого сделать. В Советском Союзе были чужеродные элементы. Это ошибка сталинской предвоенной политики 39-го года. И Прибалтика, и Западная Украина, и часть того, что потом стало Молдавией, — это были элементы, которые в этом государстве были неорганичны, и в случае того глубокого кризиса, который произошел в конце 80ых, они, естественно, сохраниться в составе СССР не могли.

Есть также знаки вопроса в отношении, скажем, республик Закавказья или же Средней Азии. Я имею в виду, прежде всего, Узбекистан. То есть речь идет о странах, которые были государствами, имели государственную традицию, уходящую глубоко вглубь веков.

Я не думаю, что вопрос об СССР и его распаде уйдет со сменой поколений. В следующем году будет год двух революций. И я думаю, что для людей, которые не жили при царском режиме, не знали, что такое романовская

династия, все-таки вопрос о крушении Российской империи имеет и будет иметь и политическое, и личное значение.

Поэтому мне кажется, что вопрос о распаде-разрушении СССР долго будет звучать резонансом. Конечно, здесь большую и пагубную роль сыграло тогдашнее руководство Российской Федерации. В стране с июня 90-го года шла холодная гражданская война, инициатором которой было тогдашнее руководство Российского Верховного Совета. Закончилось это Беловежьем. Хотя здесь существуют разные оценки. Я считаю, что это был государственный переворот, свержение законной власти в соединении с национальной изменой. Это моя оценка, я ее никогда не скрывал.

Теперь по вопросу, обсуждаемому на этой панели. Конечно, крушение Советского Союза было быстрым, во многом, неожиданным. Я был бы здесь осторожнее по поводу позиции внешних держав, в частности по поводу позиции, которую сыграла американская администрация. Да, президент Буш этого не хотел. Основное его опасение было связано с тем, что может произойти в стране, напичканной ядерным оружием, если вдруг холодная гражданская война (они это прекрасно видели) перейдет в горячую. Это было им ни к чему. Но была и весьма влиятельная группировка под руководством Чейни. Посмотрите тогдашние мемуары руководителя ЦРУ, аналитику, которую он приводит. Они, конечно, очень внимательно следили за ситуацией в СССР. И то, что первый звонок из Беловежья был президенту Соединенных Штатов, а не президенту СССР – конечно, не было случайностью...

Советского Союза не стало. Все оказались в новом мире. Причем действительно был шок, некое потрясение. Что это был за мир? Выступавшие здесь говорили, что есть две точки зрения: по поводу того, что образовался, мир однополярный, и по поводу того, что мы находимся в процессе перехода к новой биполярности или, возможно, многополярности. Думаю, что этот разговор о переходе – действительно, во многом порождение травмы, которая затронула и наш внешнеполитический истеблишмент, и нашу внешнеполитическую аналитику.

Думаю, что все-таки мы оказались в мире однополярном. При решающем влиянии Запада, конечно, ключевую роль играли Соединенные Штаты Америки. И при этом, что очень важно, раз это был однополярный мир, это был глобальный мир. То есть мир, который был разрушен еще войной 1914 года, который по-своему как-то переживал очень тяжелый кризис и воссоздавался весь XX век, а в конце XX века оказался воссозданным вот в

такой форме. Не в форме либерально-колониальной, как он существовал в XIX веке, а в форме под руководством реформистской, тогда устремленной вперед ведущей державы капиталистического мира.

За 25 лет этот мир прошел определенный путь. Я бы сказал, что этот путь заключался в том, что это становился «однополярный мир минус». Минус что-то. И западный мир в целом, и Соединенные Штаты Америки обнаруживали серьезный дефицит ресурсов. Это экономические ресурсы, конечно, - огромный государственный внешнеэкономический долг Соединенных Штатов. Это и внешнеполитические ресурсы - появление независимых игроков. Это и стратегические ресурсы, поскольку выяснилось, что сила может многое. Конечно, можно за две недели разгромить и талибов, и даже режим Хусейна. А вот создать проамериканский большой Ближний Восток нельзя - нельзя за 25 лет. Платить за это надо. И причем плата может и возрастать.

Все это обнаружилось. Но мне кажется, что обнаружались и более серьезные вещи, которые сейчас не упоминались. Дело в том, что Горбачева потом и клевали, и высмеивали, уж ленивый не отметился. Но то, что он написал, скажем, в книге «Новое мышление для нашей страны и для всего мира» - это было серьезно. Это фактически была заявка на другой глобальный мир, который, конечно, не мог осуществиться, когда и Михаила Сергеевича не стало у власти, и Советского Союза не стало. И когда, благодаря этому, весь тот комплекс идей оказался компрометированным.

Осуществилась другая модель. Но в этой модели, конечно, постепенно обнаружались большие изъяны.

Я здесь очень коротко их перечислю. Экономика. Я упомянул американский долг, но в долгу, как в шелку весь западный мир. Причем если взять не только государственный долг, а совокупный долг, как обычно считают нормальные экономисты. То есть это долг государства. Это долг корпораций и долг домохозяйств. Это очень тяжелый долговой навес.

Второй элемент, который важен - мир расколот. Он глобальный, он целостный, но он расколот. Он действительно расколот на один процент и на всех остальных. Половину мирового богатства (не доходов, но богатства – этого нельзя не путать) держит в руках этот один процент. И, безусловно, этот раскол проходит по всему миру. И раскол этот проходит и по западному миру. И просто так из этого не выйдешь.

Третий элемент политический. Здесь его упомянули. Он тоже очень важен. Да, даже Китай, как я его понимаю, все-таки не ревизионистская держава в том смысле, что это, конечно, естественно, не гитлеровская Германия, и он не ставит своей целью опрокинуть существующий миропорядок. Он слишком многого в нем достиг.

Один из основных парадоксов однополярного мира заключается в том, что он сработал не на Соединенные Штаты, а на Китай эти 25 лет. Поэтому, конечно, китайцы как люди мудрые здесь осторожны. Но в том виде, в каком этот мир существует, он им не нравится. И они будут его корректировать. И никаких здесь договоренностей не будет... Потому что американцы пока что в обозримом будущем подходящие условия китайцам предложить не могут. Я уж не говорю о том, что Китай никогда на протяжении своей истории в такие договоренности не вступал.

Таким образом, образуются параллельные миры. И влияние Центра ослабевает... Я считаю, что мы пока что живем в однополярном мире при все-таки ключевой роли Запада, естественно, Соединенных Штатов Америки. Но США сжимаются, они ограничиваются.

По поводу нынешней ситуации. Здесь, соответственно, Сергей Уткин высказался, сравнивая ее с ситуацией холодной войны, что она более спокойная. Наверное, в принципе это правильно, особенно если вспомнить, что в холодной войне были – Берлинский кризис и Карибский кризис. Можно также упомянуть, что мы сбили южнокорейский лайнер 31 августа 83-го года на Дальнем Востоке, и Андропов всерьез считал тогда, что Запад готовит первый ядерный обезоруживающий удар. Была совершенно четкая установка КГБ искать разведпризнаки подготовки этого удара. Очень были обеспокоены на Западе, причем, скажем, в Лондоне больше, чем в Вашингтоне, - этой ситуацией.

То есть в холодной войне мы, действительно, балансировали иногда на очень опасной грани. Но и сейчас грань очень опасна! Тот глобальный мир, который существовал до 14-го года, рухнул, соответственно, не 1 августа 14-го года. Не с бомбардировки Белграда и не с объявления войны Сербии со стороны Австро-Венгрии. Он зашатался гораздо раньше. Обнаружились очень влиятельные силы, которых он не устраивал по разным причинам – даже, если они могли быть в какой-то степени надуманными.

Вот и сейчас в мире происходят разломы по разным линиям (я пытался очень схематично очертить) – в экономике, социальных отношениях,

политике, геополитике. Поэтому поведение России возникает тоже не на пустом месте. И дело не только в психологической травме. Есть две основные проблемы - здесь они упоминались. Во-первых, это постсоветское пространство: я не считаю, что в 90-е годы Запад работал на развал России, это неправда, но на ограничение ее влияния на постсоветском пространстве Запад работал и очень успешно.

Во-вторых, выдвижение НАТО за те пределы, которые Россия, считала, - по крайней мере, в лице ее нынешнего руководства - для себя неприемлемыми, нетерпимыми, недопустимыми. Речь идет о Грузии и особенно, об Украине.

Мы прекрасно знаем, что Первой мировой войны никто не хотел. Кстати говоря, Вторую мировую войну тогда и в тот момент, когда она разразилась, тоже никто не хотел. И Гитлер не хотел. И для него было шоком то, что 3 сентября Великобритания объявила войну. Есть известные воспоминания, когда ему переводчик принес это известие, и он слушал его в присутствии Риббентропа.

Мы ведь здесь тоже вступаем в полосу, когда события не только не управляемы (управляемость была потеряна , скажем, в 90ые годы), но когда они обретают свою собственную логику, перед которой политические деятели, даже самые могущественные, оказываются совсем не всесильны.